

ДОМАШНІЙ ПАМЯТНИКЪ Н. Г. ЛЕВШИНА.

1807 г.

Со времени напечатанія въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 823—852) перваго отрывка «Домашняго Памятника» Николая Гавриловича Левшина протекло болѣе двухъ лѣтъ и читатели «Русской Старины», при послѣдовавшемъ перерывѣ въ его дальнѣйшемъ печатаніи, могли утратить свѣжесть впечатлѣнія о его авторѣ. Чтобы хотя нѣсколько восполнить и возстановить въ ихъ памяти образъ Н. Г. Левшина, повторимъ, въ краткихъ словахъ, при этомъ второмъ отрывкѣ его Записокъ то, что было уже высказано по тому же предмету въ предисловіи, предпосланномъ къ первому, уже напечатанному, отрывку «Домашняго Памятника».

Н. Г. Левшинъ (род. въ 1788 г., умеръ въ 1845 г.) началъ службу въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку и участвовалъ въ кампаніяхъ 1805 и 1807 гг. При селеніи Ломиттенъ, въ 1807 году, онъ былъ раненъ пулей въ грудь и въ 1810 г. уволенъ отъ службы съ мундиромъ. Считаая для себя обязательнымъ стать въ ряды защитниковъ роднаго края въ 1812 году, онъ вновь поступилъ ратникомъ въ Пензенское ополченіе и, въ теченіе кампаній 1812, 1813 и 1814 годовъ, состоялъ на дѣйствительной службѣ. 5-го октября 1813 г., подъ Дрезденомъ, онъ вторично былъ раненъ въ правую ногу и отвезенъ на излеченіе въ Аузнгъ; но для большаго удобства и въ виду болѣе успѣшнаго врачеванія своей раны, онъ переѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ, окончательно излечившись, вступилъ въ бракъ съ дѣвицей Изидорой Августовной Людвигъ, дочерью саксонскаго сенатора. Выйдя въ отставку, онъ навсегда поселился въ своею родовомъ, наслѣдственномъ имѣніи Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, селѣ Введенскомъ и мирно скончался въ 1845 году, оставивъ единственнаго сына, Петра Николаевича, обязательно передавашаго намъ Записки своего покойнаго родителя, подъ названіемъ «Домашняго Памятника», дозволивъ при этомъ ихъ напечатать.

Авторъ «Памятника» пользовался между знавшими его лицами общимъ уваженіемъ, а таковыхъ еще и до настоящей поры достаточно. По общимъ о немъ отзывамъ, это былъ — въ полномъ значеніи слова — честный и хорошій человекъ. Кромѣ того, онъ обладалъ всестороннимъ образованіемъ, — качествомъ далеко не общимъ въ то время въ средѣ русскихъ дворянъ, — зналъ основательно французскій и нѣмцкій языки, сочувствовалъ всему современному и имѣлъ

понятіе и даже позванія въ живописи и ваѣннѣ, въ чемъ могла съ успѣхомъ вліять на него его супруга, женщина весьма образованная и развитая. Имя ея занимаетъ видное мѣсто въ средѣ акварельныхъ живописцевъ.

Записки Н. Г. Левшина или «Домашній Памятникъ», какъ озаглавилъ ихъ авторъ, писаны въ Введенскомъ, въ 1840 году, что значится на его оберткѣ, слѣдовательно, по воспоминаніямъ. Если бы авторъ своевременно и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ записывалъ то, что видалъ и чему былъ свидѣтелемъ, разумѣется, интересъ Записокъ былъ бы значительнѣе и живѣе; тѣмъ не менѣе онѣ и въ настоящей своей формѣ изложенія весьма любопытны, что достаточно подтвердилось при прочтеніи перваго ихъ отрывка, напечатаннаго въ «Русской Старинѣ». Понятно, что мы не почли себя въ правѣ исправлять и тѣмъ нарушать своеобразность выраженій автора, и той же системы будемъ держаться при дальнѣйшемъ его печатаніи. Нельзя не пожалѣть, что «Домашній Памятникъ» не представляетъ собой цѣльнаго, непрерывнаго разсказа и что въ немъ мѣстами встрѣчаются перерывы въ годахъ. Они явились отъ того, что нѣкоторыя тетради «Памятника», которыя не были между собою своевременно сшиты, затерялись. Несомнѣнно, однако же, что авторъ велъ его послѣдовательно, годъ за годомъ и безъ перерывовъ, начавъ съ своего дѣтства и воспитанія дома при своихъ родителяхъ. Издавая «Памятникъ» въ томъ порядкѣ, какъ онъ передавъ въ наши руки и слѣдуя, насколько возможно, хронологическому его изложенію, мы, разумѣется, при всемъ нашемъ желаніи, не можемъ избѣжать тѣхъ перерывовъ въ происшествіяхъ, о которыхъ упомянули, явившихся послѣдствіемъ утраты нѣсколькихъ его тетрадей. Настоящій, второй отрывокъ «Домашняго Памятника» составляетъ 1807 годъ; онъ совмѣщаетъ въ себѣ, какъ и первый отрывокъ, свою долю интереса вслѣдствіе тѣхъ любопытныхъ и безыскусственныхъ сообщеній, которыя дѣлаются авторомъ по поводу выдающихся историческихъ дѣятелей описываемой имъ эпохи. Эти подробности, при правдивости и добросовѣстности автора «Памятника», бесспорно не лишены значенія и вполне цѣлесообразны, какъ раздвигающія собой горизонтъ уясненія характеровъ дѣйствующихъ личностей и вспоминая свѣдѣнія о самой эпохѣ.

Н. П. Барышняковъ.

1807-й годъ.

Недолго, по возвращеніи изъ аустерлицкаго похода, продолжалась гарнизонная служба гвардіи. Побѣды Наполеоновы въ Германіи надъ пруссаками, при Іенѣ и проч., тревожили всю Европу, и Россія, хотя далеко на сѣверѣ, но все составляетъ значительное звѣно могущественнаго и просвѣщеннѣйшаго материка. Императоръ Александръ I, кабинетъ его и опытные дипломаты заняты были рѣшеніемъ задачъ, предлагаемыхъ Наполеономъ всей европейской политикѣ вообще и каждому государству особенно, а къ довершенію и подкрѣпленію требованій французы били нѣмцевъ на голову, да и русскимъ досталось на первой попыткѣ порядочно.

У русскихъ сборы не долги: ранецъ за плеча, тесакъ на бедро и

ружьей въ руки,—вотъ и готовъ. 24-го февраля 1807 г. вся гвардія выступила въ походъ къ г. Ригѣ.

Во время похода уже порядкомъ узнали, что разрывъ съ французами произошелъ формально, что Наполеонъ громитъ Пруссію, съ тѣмъ, чтобы ее совершенно уничтожить и что императоръ Александръ I объявилъ себя защитникомъ короля Вильгельма III и лично съ своей арміей и гвардіей идетъ встрѣтить коварнаго врага.

Вся Германія и весь свѣтъ рукоплескали рыцарской рѣшительности государя русскаго и ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ рѣшится борьба столь могущественныхъ націй.

Походъ былъ довольно неприятный по затруднительности весенняго времени и по всему видно было, что поспѣшали; марши были по 30 верстъ и слишкомъ, дневки рѣдкія. Разлившіяся рѣки не оставляли; вездѣ были приготовлены переправы, самыя исправныя; ни одного несчастнаго случая не произошло на походѣ.

Въ г. Ригу гвардія вступила съ большимъ парадомъ, 15-го числа марта. Здѣсь узнали о побѣдахъ Наполеона и о разореніяхъ; претерпѣваемыхъ прусскимъ королевствомъ. Въ г. Ригѣ только днели и пришли въ г. Митаву также на дневку.

Полковникъ нашъ, графъ Сентъ-При¹⁾, приказалъ явиться къ нему, въ полной формѣ, нѣсколькимъ офицерамъ, а именно: графу Растиньяку, шевадье де-ла-Гарду, князю Хилкову и мнѣ; тутъ поѣхалъ онъ съ нами въ близъ города находившійся замокъ и объявилъ намъ, что мы ѣдемъ на свиданіе съ французскимъ королемъ. Старинный, совершенно обветшалый замокъ представился глазамъ нашимъ. По нечистой лѣстницѣ вошли мы въ комнаты, которыя отъ древности и непризору также удивили насъ. Мебели самыя старыя, обтертыя и оборванныя показывали, сколь въ бѣдномъ положеніи находятся обитатели его. Стѣны хотя и обтянуты были штофными обоями, но изодранными, и доскутки ихъ висѣли со стѣнъ, а золоченыя рамки полинялы и золоченіе кое-гдѣ блесѣло. Въ пріемной залѣ встрѣтили насъ человекъ пять придворнаго штату королевскаго, въ числѣ коихъ былъ и герцогъ Англемскій²⁾. Они всѣ одѣты были въ парти-

¹⁾ Гр. Эммануилъ Францовичъ Сентъ-При или Сентъ-Приестъ (Saint-Priest) родился въ Константинополѣ, во время бытности его отца посломъ въ Турціи отъ французскаго двора, эмигрировалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Россію во времена императрицы Екатерины II и достигъ званія генералъ-лейтенанта и генералъ-адъютанта. Онъ былъ кавалеромъ Георгія 2-й степени и извѣстенъ какъ опытный и храбрый генералъ отечественной войны. Скончался 17-го марта 1814 г. отъ раны въ плечо, полученной въ сраженіи при Реймсѣ. Н. В.

²⁾ Герцогъ Англемскій—сынъ Карла X; онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, 2-го августа 1830 г., отрекся отъ правъ на французскую корону въ пользу герцога

кулярныхъ платьяхъ, весьма много уже изношенныхъ фракахъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій ввели насъ въ кабинетъ къ королю. Кабинетъ не былъ украшенъ и меблированъ лучше всѣхъ прочихъ апартаментовъ, которые мы проходили. Король Лудовикъ XVIII, хотя и не въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, толстѣе, съ большимъ брюхомъ, но въ подагрѣ, сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ недвижимо, съ приятной улыбкою поклонился намъ. Графа Сентъ-При посадилъ близъ себя и съ большимъ удовольствіемъ разговаривалъ съ нимъ. Всѣ мы были ему по очереди представлены и стояли поодаль. Въ это время могъ я увѣриться, что вижу точно потомка изъ рода Бурбоновъ; носы особенной формы, принадлежачіе сей династїи, не измѣняютъ имъ. Съ нами занимались разговорами свита королевская и герцогъ. Герцогиня Ангулемская (дочь несчастнаго короля Лудовика XVI) сидѣла рядомъ съ королемою, съ самымъ жалостнымъ лицомъ. Женщина росту довольно изряднаго и худая, какъ скелетъ. Костюмъ короля былъ ватопный синій сюртукъ и звѣзда ордена св. Духа. Свиданіе продолжалось не болѣе часу и, при прощанїи, король намъ сказалъ слѣдующее:

— Messieurs, battez bien les français, mais epargnez les après, car ce sont mes enfans¹⁾.

На другой день свита королевская оплатила намъ визитъ въ Митавѣ и полковникъ съ своего полка офицерами дали славный обѣдъ гг. маркизамъ въ трактирѣ, чѣмъ они всѣ были чрезвычайно довольны. Гг. эмигранты очень насъ полюбили, даже открыли свои тайны, показывая намъ залогъ своей вѣрности—это орденъ св. Лудовика, зашитый между сукна и подкладки, который они никогда не снимали, съ той минуты, когда были принуждены бѣжать изъ своего отечества. Чувствовалъ-ли король, что, чрезъ самое короткое время, онъ лишится и сего пристанища? Послѣ несчастнаго фридландскаго сраженія, бѣдствующій король послѣшно уѣхалъ въ Англію со всей своей свитой. Чувствовалъ-ли онъ и то, что чрезъ 6 лѣтъ будетъ на престолѣ прародителей своихъ? Все въ рукахъ Божїей! Дивенъ Господь въ чудесахъ своихъ и судьбы Божїи неисповѣдимы!

Вотъ забавное происшествіе: въ трактирахъ что дѣлается? пьютъ, ѣдятъ и играютъ въ биллиардъ. Я никогда не любилъ играть; но шутя

Бордосскаго и умеръ въ Гарицѣ; въ Германїи, 3-го іюня 1844 г.; въ супружествѣ имѣлъ герцогиню Ангулемскую, дочь Лудовика XVI и Марїи-Антуанеты. Бракъ этотъ совершенъ былъ въ 1799 г., въ Митавѣ, во время пребыванія тамъ Лудовика XVIII, дяди и герцога и герцогини.

Н. В.

¹⁾ «Господа! побейте хорошенько французевъ; но, послѣ того, имѣйте къ нимъ снисхожденіе, потому что они мои дѣти».

перекатывалъ шары. Вотъ подходитъ ко мнѣ какой-то нѣмецкій франтъ и весьма учтиво предлагаетъ мнѣ сыграть съ нимъ партію. Не отговариваясь нисколько, я началъ съ нимъ играть на стаканъ воды и выигралъ партію. Противникъ мой стаканъ воды выпилъ. Послѣ сего предлагаетъ опять играть; тутъ я ему предложилъ играть на деньги. Нѣмецъ тотчасъ же согласился, сказавъ: „Не угодно-ли на 5 талеровъ“, на что я ему отвѣчалъ: „никакъ не согласенъ, а на 5 червонныхъ, то готовъ“, вынимая изъ кармана деньги. Въ самое это время входятъ наши офицеры и двое изъ нихъ, слыша наше условіе съ нѣмцемъ, отзываютъ меня въ сторону и со смѣхомъ говорятъ мнѣ тихо: — „Помилуй, что ты дѣлаешь, съ кѣмъ ты хочешь играть, это самъ маркеръ и биллиардъ есть его собственность; онъ вчера насъ обыгралъ, ты не играешь, а шары катаешь“.

— „Такъ и быть, попробую счастья“, отвѣчалъ я и въ ту-жъ минуту деньги 5 червонныхъ бросилъ въ блузу; нѣмецъ сдѣлалъ тоже и мы принялись сражаться. Товарищи мои ушли въ другую комнату, шумѣли тамъ и смѣялись. Битва наша съ нѣмцемъ кончилась тѣмъ, что я партію выигралъ, всыпавъ деньги въ карманъ, пошелъ къ насмѣшникамъ съ объявленіемъ о побѣдѣ. Тутъ смѣхъ и шумъ поднялся у насъ общій.

— „Какъ же вамъ вообразилось, чтобы я не выигралъ первой партїи у маркера или записнаго отъявленнаго игрока; они на первую и даже на вторую партію всегда поддаются новичку, увидя полный кошелекъ золота. Теперь вопросъ: буду-ли я продолжать играть съ нимъ?“ Не теряя времени, я приказалъ подать обѣдъ съ виномъ на 5 персонъ и угощалъ на выигрышные деньги любезныхъ прїятелей своихъ. Обѣдъ нашъ былъ самый забавный, не столько ѣли, сколько хохотали. По окончанїи шумнаго обѣда, взявъ шпагу и шляпу, пошелъ я чрезъ биллиардную, чтобы идти на службу и дѣйствительно спѣшилъ не опоздать за приказомъ и къ наряду, ибо я былъ баталїоннымъ адъютантомъ. Тутъ атаковалъ меня проигравшійся нѣмецъ, предлагая мнѣ еще играть; но я извинился тѣмъ, что иду послѣшно на службу, къ тому же, вы сказали сами, что желаете со мной сыграть партію, а я сыгралъ съ вами двѣ“. Кто ни находился при сей сценѣ, всѣ стали смѣяться и уходить изъ биллиардной, закуса губы, а г. нѣмецъ остался съ предлиннымъ рубарбатинымъ лицомъ, тяжело вздыхая, видя меня удаляющагося. На другой день почти весь городъ узналъ о проигранныхъ двухъ биллиардныхъ партїяхъ.

Походомъ послѣшали, несмотря на распутицу, и 1-го апрѣля весь корпусъ уже былъ въ г. Юрбургѣ, на переправѣ рѣки Нѣмана, чрезъ которую переправлялись на плашкотахъ (паромахъ пловучихъ). На

границъ сей встрѣчены были самимъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Гильомомъ II и семействомъ его.

Король съ принцами и многочисленной свитой верхомъ встрѣчалъ на берегу. Видъ его показывалъ смущеніе и нѣкоторую радость, усматривая надежду въ избавленіи себя и царства своего отъ опаснѣйшаго врага, гонителя его—Наполеона.

При въѣздѣ въ городъ владѣнія прусскаго, королева Луиза вышла въ каретѣ. Экипажъ ея нѣсколько не былъ отличенъ отъ весьма посредственныхъ прочихъ, составлявшихъ ея кортежъ. Всѣхъ экипажей было при ней только четыре.

Императоръ и король подскакали къ каретѣ королевы и тутъ стояли во все время, пока проходили войска скорымъ шагомъ. Королеву не мудрено было замѣтить, ибо она была красоты и пріятности необыкновенной. Печаль, написанная на лицѣ ея, сообщала всякому, видѣвшему ее въ сіи минуты, какое-то чувство состраданія и воспламеняла готовность на защиту царственного семейства, терпящаго явное бѣдствие и требующаго самоскорѣйшей помощи.

При вступленіи въ Пруссію, король принялъ на себя выдавать войскамъ провіантъ и фуражъ подъ квитанціи и войска не имѣли недостатка ни въ чемъ.

Не могу умолчать о послѣдствіяхъ, кои произошли отъ сего квитанціоннаго продовольствія. Стыда надѣлали довольно. Многіе квартиреры и прочіе чины, приставленные къ принятію провіанта и фуража, давали старшинамъ и рихтерамъ въ деревняхъ преглуно выдуманныя квитанціи, напримѣръ: „нѣкто былъ, нѣкто бралъ, нѣкто квитку далъ“ и множество сему подобныхъ. Чѣмъ же вся эта галлиматія кончилась? По возвращеніи въ С.-Петербургъ, прусскій король самъ лично таковыя квитанціи, при бывшемъ свиданіи, въ С.-Петербургѣ, вручилъ Александру I и государь повелѣлъ нарядить комиссію для счета и разбора квитанцій, а какъ сего ни изслѣдовать, ни счесть было невозможно, то и заплатили пруссакамъ втрое больше, чѣмъ слѣдовало.

Квартиры были также весьма удобныя. Черезъ двѣ недѣли гвардія подошла уже къ дѣйствующей арміи и расположилась не вдалекѣ отъ Эйлау.

Не доходя до назначенныхъ намъ квартиръ, надо было переправляться черезъ рѣку Прегель; полкъ лейбъ-гвардіи Егерскій былъ въ авангардѣ, слѣдственно первому переходить пришлось. По причинѣ весны и необычайной быстроты рѣки, невозможно было и подумать пускаться на парамахъ и равно никакъ, а какъ непременно должно было о семъ донести главнокомандующему, то корпусный командиръ

нашъ, г. Кологривовъ, и отправилъ меня съ строгимъ приказомъ непременно доставить донесеніе цесаревичу Константину Павловичу, который давно уже (находился) на противномъ берегу, въ разстояніи отъ переправы миляхъ въ 15-ти или болѣе.

Военная служба не терпитъ ни представленій, ни невозможностей, ни медленности. Въ ту-жъ минуту я усиленно завладѣлъ рыбачьей лодкой и, съ двумя гребцами прусскими и однимъ унтеръ-офицеромъ, пустился по рѣкѣ. Коль скоро достигли мы середины, гдѣ стремленіе воды было столь сильно, что насъ уже не несло, но завертѣло, тогда закружилась у меня голова и я упалъ въ лодкѣ безъ памяти. Гребцы болѣе уже не правили, а молились Богу и прощались съ жизнію. Очнулся я и вижу, что мы у берега; долго не понималъ гдѣ я? Товарищи мои также терпѣли морскую болѣзнь, но опомнились прежде меня и не знали, что со мною дѣлать; лили мнѣ на лицо воду и собирались тащить меня на землю, считая погибшимъ. Тутъ отдохнувъ съ часъ, не болѣе, пошли мы вдоль берега и, находясь на противоположной сторонѣ противъ стоящаго у рѣки нашего корпуса, дали знать, что благополучно переѣхали, надѣвъ на предлинный шестъ шинель мою и киверъ. Никто вѣрить не хотѣлъ, что мы живы остались!

На третій день моего путешествія въ главную квартиру, встрѣтилъ я адъютанта цесаревича Шульгина ¹⁾, ѣхавшаго встрѣчать корпусъ нашъ къ рѣкѣ; ему я сдалъ бумаги и, взявъ отъ него приказы словесные и повелѣнія въ пакетахъ, возвратился къ полку, который нашелъ уже на сей сторонѣ переправившимся на большихъ баркахъ, доставленныхъ прусскимъ правительствомъ изъ г. Кенигсберга.

По окончаніи довольно опасной переправы, отъ всего гвардейскаго корпуса отправленъ былъ я съ донесеніемъ къ великому князю цесаревичу Константину Павловичу съ тѣмъ, чтобы получить повелѣніе, куда идти, по квартирамъ или въ лагерѣ стоять, ибо весь корпусъ, отойдя отъ рѣки миль 5, сошелся вмѣстѣ и, занявъ небольшое селеніе, не зная, кому куда слѣдовать.

Строго приказано было мнѣ поспѣшить съ отвѣтомъ. На перемѣнныхъ верховыхъ лошадяхъ, въ поль-сутки, добрался я до штабъ-квартиры цесаревича. На бѣду, пришлось ѣхать ночью; по утру, на зарѣ, оба мы съ проводникомъ-почтаремъ задремали. Хотя я имѣлъ осторожность лошадь мою дать на арканъ почтарю, но арканъ отвя-

¹⁾ Шульгинныхъ было два брата и едва-ли оба ни были адъютантами в. к. Константина Павловича. Одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи получилъ общую извѣстность въ должности оберъ-полицеймейстера въ Москвѣ. Н. В.

зался и я вдругъ очутился путешествующимъ по водѣ, до самыхъ колѣнъ. Вздрогнувъ отъ внезапнаго ощущенія холода, взглянулъ и вижу передъ собой открытое море, а товарища моего и слѣдъ простылъ. Что же это было? лошадь моя отвязалась отъ аркана, проводникъ дремлющій ѣхалъ вдоль по дорогѣ; моя же лошадь, чувствуя себя на свободѣ, повернула съ дороги къ озеру и стала пить. Насилу я выбился изъ воды, весь измокъ до пояса и, догнавши вожатаго, разбранилъ почтаря по-русски и по-нѣмецки.

Къ 9-ти часамъ утра пріѣхалъ или, лучше сказать, притащился по ужаснѣйшей грязи къ какому-то великолѣпному замку. Тутъ, вѣзжая на широкой дворъ, увидѣлъ я, что великій князь сидитъ на креслахъ, при лѣстницѣ, подъ колоннами, при самомъ входѣ въ домъ. Въ ту же минуту я сошелъ съ лошади и подошелъ къ свитѣ великаго князя; съ меня текло, какъ съ гущи, и лица не было видно изъ грязи. Всѣ смѣялись и сожалѣли, а цесаревичъ приказалъ мнѣ подойти къ себѣ, спрашивалъ о корпусѣ, все-ли благополучно; послѣ смѣялся и шутилъ надо мною, говоря:

— „Вотъ, какъ ты замаскированъ, что и мундиръ узнать нельзя“.

Потомъ приказалъ подать себѣ почтовую трубу, висѣвшую на шеѣ проводника моего, и началъ надуваться, наигрывая въ трубу какую-то кавалерійскую зорю. Тутъ, оборотясь къ адъютанту своему Олсуфьеву¹⁾, сказалъ ему:

— „Накорми ты мнѣ этого Левшина и поскорѣ отпусти“.

Мнѣ же: „Ну, братъ, ступай“.

¹⁾ Николай Дмитриевичъ Олсуфьевъ (умеръ 25-го іюня 1817 г.)—адъютантъ и неразлучный спутникъ великаго князя Константина Павловича. Доброта, веселость, остроуміе и привязанность къ вел. князю были причиной сыпавшихся на него милостей. Мой отецъ, нынѣ отставной ветеранъ отечественной войны, знавшій лично Николая Дмитриевича, рассказывалъ мнѣ о добротѣ его слѣдующее: когда мой отецъ былъ еще въ корпусѣ кадетомъ (т. е. въ 1811 г.), а цесаревичъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, то однажды, когда послѣдній производилъ смотръ фронтному ученію кадетъ, его верховая лошадь испугалась знаменъ, что вызвало гнѣвъ князя въ той страшной мѣрѣ, которой онъ часто предавался. Великій князь выхватилъ палаши, рубилъ имъ угловую лошадь, кричалъ, сердился, посадилъ, наконецъ, на эту лошадь берейтора и приказалъ принести бичей, чтобы наказывать испуганное животное. Понятно, что такое дурное расположеніе отзывалось на всѣхъ, стоявшихъ во фронтѣ. Какъ кадеты, такъ и всѣ начальники трепетали, а цесаревичъ все болѣе и болѣе гнѣвался... Чтобы положить конецъ гнѣву великаго князя, требовалось сладить дурное его расположеніе, причиненное пугливой лошадейю. Николай Дмитриевичъ Олсуфьевъ, зная характеръ цесаревича, нашелъ удобную минуту, чтобы выдти изъ-за фронта, прямо на глаза великому князю; но, идя, какъ-будто нечаянно поскользнулся, упалъ въ находившуюся на его

Въ полчаса бумаги были готовы; ѣсть мнѣ ничего не дали (да и кстати, ибо это была великая суббота), отдыхать было некогда и я тутъ же пустился въ обратный путь, поспѣвая сколь возможно. На половинѣ пути встрѣтился я съ старымъ знакомымъ, котораго зналъ съ ребячества, Старооскольскаго мушкетерскаго полка поручикомъ Николаемъ Ѳедосѣевичемъ Биковымъ, который также былъ адъютантомъ и ѣхалъ по должности за приказами. Не видались мы болѣе 12-ти лѣтъ, но въ ту же минуту другъ друга узнали и, поговоривъ минутъ 10, разстались; съ тѣхъ поръ во всю кампанію нигдѣ не встрѣтились. На самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенія я къ своему полку и едва дали людямъ разговѣться, какъ въ ту же минуту ударили генераль-маршъ и весь корпусъ двинулся въ походъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля расположился нашъ полкъ не въ дальнемъ разстояніи отъ г. Фридланда, по деревнямъ. Штабъ-квартира графа Сентъ-При была въ Клостеръ-Шпрингборнъ, бывший прежде католическій монастырь. Нигдѣ я не видалъ такого множества различныхъ прекрасныхъ цвѣтовъ, какъ тутъ, въ особенности нарцисзовъ; весь дворъ монастырскій покрытъ былъ ими,—точно молокомъ облитъ. При приближеніи вспомогательныхъ войскъ російскихъ, начались было переговоры перемирія. Наполеонъ испыталъ сильный ударъ російскаго оружія. Генераль баронъ Беннигсенъ выигралъ тутъ генеральное сраженіе; командовалъ самъ Наполеонъ, но былъ принужденъ отступить и размышлялъ о перемирії. Переговоры продолжались тайно и болѣе 5-ти недѣль; но кончились, по обыкновенному, новой войною. Наполеонъ, какъ страстный охотникъ до ссоры и драки, не соглашался на миролюбивыя предложенія.

9-го числа мал, на самый день св. Николая, извѣстно уже было всѣмъ, что скоро встрѣтимся съ французами. Этотъ день я именинникъ; ко мнѣ собрались много однополчанъ (покойный Николай Павловичъ Левшинъ также былъ именинникъ) и затѣяли пирушку не на шутку. Обѣдали, перепились, но тогдашняго вѣка люди и сумазбродничали, какъ безумные, ибо большая часть офицеровъ была молодежь.

Въ самомъ разгарѣ пировапія замѣтили, что хозяинъ исчезъ; я, види дѣло плохо, скрылся на чердакѣ дома; меня отыскали, притащили на дворъ и на плащѣ начали качать и кричать: „ура!“ но вида, что я не только, чтобы опомнися, но еще хуже обезумѣлъ, вздумали нести меня кунать въ прудѣ. Съ громомъ полковой музыки, на плащѣ,

пути лужу и измарался грязью. Видя это паденіе, великій князь расхохотался, громко закричавъ: «хорошъ, хорошъ!» и — гнѣвъ измѣнился на милость, все найдено прекраснымъ и всѣ начальники получили благодарность.

понесли меня едва дышущаго къ водѣ. На мое счастье, всю эту церемонію встрѣтилъ полковникъ Потемкинъ, бывшій мой баталіонный командиръ; онъ воротилъ и разогналъ всѣхъ, не то имянника навѣрное бы утопили.

Черезъ нѣсколько дней получено было секретное повелѣніе готовиться къ походу, ибо военныя дѣйствія снова начнутся. Отпраздновавъ Троицынъ день въ Клостеръ-Шпрингборнѣ, вся гвардія тронулась по большому тракту къ городу Гутштадту.

Очень памятно мнѣ было, что наканунѣ Троицына дня былъ я въ штабъ-квартирѣ графа Сентъ-При и видѣлъ въ монастырѣ весь дворъ его и прочіе палисадники, покрытые нарцисами и тюльпанами, много любовался ими; на самый же праздникъ все исчезло, не было ни одного, а всѣ отнесены въ церковь, для украшенія внутренности храма букетами и гирляндами весьма искусно.

На третій день нашего выступленія, расположился весь гвардейскій корпусъ лагеремъ не въ дальнемъ разстояніи отъ городовъ Линштадта и Гутштадта. Война открыта наступательная. Укрѣпленные города, мѣстечки и деревни на рѣкѣ Пассаргѣ были вдругъ въ одно время атакованы 24-го мая и со всѣхъ пунктовъ французовъ сбили.

Л.-гв. Егерскій полкъ, состоящій только изъ двухъ баталіоновъ, сего-жъ числа былъ командированъ къ дивизіи генерала Дохтурова, на правый флангъ арміи, за 3 мили отъ г. Гутштадта. Въ 2 часа по полудни прибылъ нашъ полкъ къ селенію Ломиттену; тутъ сдѣлали привалъ,—нѣсколько поотдохнули.

На семъ привалѣ графъ Сентъ-При послалъ меня отыскать ту деревню, гдѣ перевязываютъ раненыхъ. Версты за полторы отъ линіи нашей вправо и ближе къ неприятельскимъ аванпостамъ пришлось мнѣ ѣхать по ржи. Рожь хотя и очень была высокая, но все въ меня французы стрѣляли безпрестанно, ибо я по поясъ былъ видѣнъ и золотое шитье и киверъ блестя издавлекъ. Благодаря Бога, я добрался до деревни благополучно. Тутъ увидѣлъ я весь ужасъ адскихъ терзаний. Здѣсь пилили ноги, тамъ рѣзали руки, подальше къ полю или въ садахъ хоронили; стонъ и вопль неумолкаемый выгналъ меня. Спросивъ объ имени деревни, тѣмъ же путемъ возвратился къ полковнику своему и донесъ о исполненіи приказанія его; между тѣмъ показаль ему и то мѣсто, откуда въ меня французы стрѣляли.

По возвращеніи моемъ, въ тотъ часъ же скомандовали во фронтъ и полкъ нашъ, хотя и долженъ былъ, по жребію, съ л.-гв. Семеновскимъ баталіономъ полковника Криднера составить одинъ баталіонъ, но полковникъ Криднеръ нашель казую-то отговорку и отъ жребія ухло-

нился. Черезъ полчаса, не болѣе, уже нашихъ раненыхъ понесли или перевязывать, или (тѣхъ, которые изъ нихъ умерли) хоронить.

Передъ укрѣпленною деревнею Ломиттенъ былъ сосновый высокій лѣсъ, въ коемъ глубокой оврагъ. Въ этомъ оврагѣ, на противоположной сторонѣ, французскіе волтижеры или стрѣлки, подкопавъ корни толстыхъ сосенъ, своротили вверхъ корнями подъ гору, такъ что вершины и сучья дѣлали приступъ почти невозможнымъ, а корни, какъ щиты, охраняли отъ выстрѣловъ. Наши егеря долго размышляли не стали. Графъ Сентъ-При съ своимъ 1-мъ баталіономъ пошелъ въ обходъ оврага, влѣво, подъ самыя сильныя картечныя выстрѣлы, гдѣ былъ тотъ часъ же тяжело раненъ картечью въ ногу¹⁾; принявшій команду капитанъ Вульфъ былъ убитъ; но, несмотря на таковую невзгуду, баталіонъ достигъ рѣки Пассарги, прогнавъ неприятельскую колонну за мостъ и батареи.

2-й баталіонъ, подъ командою полковника Потемкина, взялъ приступомъ оврагъ; егеря лѣзли по вѣтвямъ съ неимовѣрною храбростію. Уронъ съ нашей стороны былъ значителенъ: много было побито пулями вертикально въ голову (въ маковку). Вытѣснивъ французовъ изъ лѣсу, соединились съ 1-мъ баталіономъ, перешли черезъ рѣку Пассаргу и подлетѣли къ укрѣпленіямъ, мигомъ полѣзли на батареи. Егеря втыкали ружья и штыки въ земляныя укрѣпленія и такъ лѣзли по ружьямъ, какъ по лѣстницамъ. Неприятель успѣлъ увести пушки съ батарей, но оставилъ укрѣпленную свою позицію и деревню Ломиттенъ.

Занятіе деревни такъ было поспѣшно, что, когда наши вошли въ барскій домъ, нашли столъ²⁾, уставленный кушаньями и бутылками, изъ котораго сидѣвшіе генералы и прочіе собесѣдники едва успѣли выскочить, бросивъ весь свой багажъ. Кто только зналъ бонапартовскихъ воиновъ, то повѣритъ, что это было точно такъ. Они говорили: „ma foi il est impossible, pour que le gredins de russes parviennent jusqu'à nous“³⁾, но нерѣдко ошибались.

Многихъ нашихъ офицеровъ переранили⁴⁾, Энгельгардту ногу отпилили на мѣстѣ, а Огонь-Дагановскаго убили.

¹⁾ Братъ родной гр. Сентъ-При, гр. Луи, также раненъ былъ въ грудь. Авт. Графъ Лудовикъ Францовичъ Сентъ-При служилъ Россіи и достигъ чина полковника, а по возстановленіи на престолъ дома Бурбоновъ, возвратился во Францію. За оказанное имъ отличіе въ походѣ въ Испанію, по поводу возстановленія престола Фердинанда VII, состоя при герцогѣ Ангюлемскомъ въ званіи генералъ-адъютанта, пожалованъ императоромъ Александромъ, въ 1824 г., орденомъ Георгія 3-го класса. Н. В.

²⁾ Накрытый слишкомъ на 20 приборовъ. Авт.

³⁾ «Эти бездѣльники русскіе не дойдутъ до насъ,—это невозможно». Н. В.

⁴⁾ Тутъ ранили и меня. Покойнаго брата Александра ранили въ руку. Авт.

На батарею первый взбѣжалъ прапорщикъ Александръ Павловичъ Левшинъ. Генераль Доктуровъ, наблюдая съ возвышенія дѣйствія гвардейскихъ егерей, какъ главнокомандующій на этомъ пунктѣ, прислалъ адъютанта узнать фамилію того офицера, который первый взбѣжалъ на батарею и махалъ шпагою, призывая своихъ егерей. За сіе дѣло прапорщикъ А. Левшинъ получилъ золотую шпагу „за храбрость“.

Послѣ взятія деревни Ломитень, приказано было идти л.-гв. Егерскому полку къ г. Липштадту, для присоединенія къ арміи, стоявшей между сего города и г. Гутштадта. Всѣ единогласно кричали о храбрости гвардейскихъ егерей. Когда полкъ вступалъ въ линію главной арміи, то всѣ полки кричали: „славно, славно! молодцы гвардейскіе егеря!“ и каждый солдатъ удѣлялъ егерямъ что имѣлъ провіанта своего, ибо полкъ нашъ дня три почти ничего не ѣлъ; по взятіи деревни Ломиттена едва дали отдохнуть часа 3 или 4.

Я получилъ сильный ударъ въ грудь всколѣзъ обломкомъ отъ гранаты; меня отвезли (въ) г. Вормдигъ (?), а оттуда въ Гейльсбергъ, гдѣ получилъ нѣкоторыя медицинскія пособія.

Черезъ нѣсколько часовъ по приѣздѣ въ Гейльсбергъ, узнали мы, что вся армія отступаетъ и ужъ авангардъ въ гейльсбергскомъ укрѣпленіи. Вскорѣ послѣ услышали канонаду, а потомъ и перестрѣлку. Казаки начали очищать городъ отъ обозовъ.

Гвардія подошла было къ самому городу и мнѣ хотѣлось было повидаться съ братьями; но это было дѣло невозможное, ибо завязалось сраженіе. Когда увидѣлъ я новыхъ раненыхъ, въ числѣ коихъ и генерала Вердеревскаго, то надобно было повиноваться казакамъ и я поѣхалъ въ г. Гумбиненъ. Въ Гумбиненѣ полученъ приказъ отъ генерала Гаевского послѣдшнею всѣмъ обозамъ и раненымъ ѣхать въ пограничный городъ Юрбургъ. Въ г. Юрбургъ обозы и кто только въ силахъ былъ выносить скорую ѣзду, то поспѣшали, ибо на дорогѣ узнали о проигранномъ сраженіи при Фридландѣ.

По дорогѣ къ Юрбургу, обогналъ насъ Изюмскій гусарскій полкъ, который спѣшилъ на рыскахъ поспѣть въ-время для прикрытія обозовъ и городъ Юрбурга. Въ нашихъ глазахъ полкъ искалъ броду на рѣкѣ Нѣманѣ и храбрый ихъ командиръ, генераль Юрковскій, первый бросился въ рѣку; за нимъ весь полкъ, по два, переправился съ великой опасностью. Обозы переправлялись на плашкотахъ противъ самаго города и мы видѣли ясно, какъ нѣкоторые гусары падали съ лошадей, а иные опрокидывались съ лошадьми на стремнинѣ рѣки и топили безъ малѣйшей помощи; ихъ уносило быстротою воды.

Послѣ моего приѣзда въ городъ сдѣлалась ужасная суматоха. Гу-

сары начали выгонять обозы и тяжести по Рижской дорогѣ, а раненымъ офицерамъ приказано было получить подорожныя отъ генераль-маіора Маркловскаго, кто куда желаетъ. Мнѣ выдали паспортъ въ г. Орель. (Моего паспорта былъ 238-й). Тутъ случайно на улицѣ встрѣтился я съ братомъ Николаемъ Павловичемъ Левшинымъ; онъ былъ раненъ въ правое колѣно, пулею, при Фридландѣ. Онъ мучился ужасно; но отпилить ногу не соглашался. вмѣстѣ мы поѣхали въ Ригу.

Въ продолженіе всей дороги отъ Юрбурга до Риги было совершенное адское мученье слушать стоны раненыхъ и умирающихъ. Покойный братъ кричалъ день и ночь. Кое-какъ добрались мы до Риги. Тутъ отвели намъ удобную квартиру въ домѣ баронессы Гротгувъ. Лучшій докторъ, г. Зоменеръ, пользовалъ насъ; мнѣ скоро помогъ и я въ двѣ недѣли всталъ на ноги, а брата Николая Павловича обрекъ на смерть: сему несчастному надо было отнимать ногу выше колѣна; покойный Николай Павловичъ не согласился и пострадалъ, болѣе 1½ мѣсяца мучился и скончался 10-го числа іюля, въ самый тотъ день, когда л.-гв. Егерскій полкъ, возвращаясь въ С.-Петербургъ, вступилъ въ Ригу. Отрядъ изъ этой роты, въ которой служилъ Николай Павловичъ, провожалъ печальную процессію до могилы, отдавъ послѣдній долгъ положившему жизньъ свой за отечество троекратными выстрѣлами у храма на с.-петербургскомъ кладбищѣ. Командиръ гвардейскаго корпуса, генераль-лейтенантъ Кологривовъ, почти всѣ офицеры двухъ л.-гв. Егерскихъ баталіоновъ и много офицеровъ другихъ гвардейскихъ полковъ присутствовали при погребеніи.

Покойный братъ Александръ Павловичъ¹⁾, бывши легко раненъ въ руку, находился при полку и послѣ погребенія пробылъ въ Ригѣ 9 дней; поѣхалъ догонять полкъ, а потомъ, получивъ отпускъ, отправился съ печальнымъ извѣстіемъ въ Москву. Скорбь сія едва не причинила смерть матушки его. Екатерина Николаевна нѣсколько мѣсяцевъ сходила съ ума, въ изступленіи плевала и бросала святныя иконы и вытерѣла жестокою горячку.

Оставшись въ Ригѣ одинъ, съ скорбію душевной о потерѣ брата Николая Павловича, съ которымъ я всегда былъ друженъ, единственное мое занятіе были книги и по вечерамъ, до заката солнца, прогулка въ садахъ и изрѣдка по улицамъ.

Одинъ разъ шелъ по площади, на которой выстроены были изъ тесу балаганъ для кукольной комедіи. Въ семь театрѣ, какъ (значилось) на афишкѣ и гравюрахъ лубочнаго изданія, лучшая пьеса была гигантскаго роста кукла, — женщина, танцующая вальсъ, — а изъ-подъ нея вы-

¹⁾ Убитый въ 1812 году, при селѣ Бородинѣ, 26-го августа.

прыгивающіе ребятишки, попарно, тоже танцующіе; вдругъ выстрѣлить пистолетъ и изъ робы женской составится балонъ, а изъ ногъ лодочка; въ эту лодочку попрыгаютъ всѣ выскочившіе изъ-подъ куклы, — мирмидоновъ, человѣкъ до 100, — и балонъ, качаясь тихо въ воздухѣ, нагруженный симъ народомъ, улетаетъ. Каково было мое удивленіе, въ самое то время, когда я читаю афишу, сдѣлался ужаснѣйшій трескъ и крикъ. Задняя стѣна въ балаганѣ проломилась, а оттуда посыпались всѣхъ націй люди обоого пола; многіе переломали себѣ руки и ноги и больно перебились. Всеобщій шумъ заглушалъ стонъ ушибленныхъ и плачь комедіантовъ, ибо ихъ въ тотъ часъ же потащили въ полицію къ отвѣту за худое устройство балагана.

Еще 15-го іюня всѣ раненные офицеры оставлены были въ Ригѣ, вѣроятно, для того, чтобы сохранить въ тайнѣ фридландское несчастное сраженіе. По полученіи официального извѣстія о свиданіи императоровъ Александра I и Наполеона въ г. Тильзитѣ, на островѣ рѣки Нѣмана, и о заключеніи мира съ французами, 27-го числа іюня, всѣ, кто могъ ѣхать, отправились въ Россію по волѣ, кто куда желаетъ.

Выѣхавъ изъ Риги, — на первой же станціи происшествіе. Въ то время, какъ тройка моя скакала по гладкой дорогѣ, окруженная облаками пыли, колъ, лежавшій вдоль по дорогѣ, попалъ подъ ноги коренной лошади; противный конецъ, поднявшись, уперся въ конецъ телѣги, проткнулъ весь передъ въ одну секунду. Какъ громомъ пораженная, лежала телѣга опрокинутая и всѣ пассажиры, разбросанные на нѣсколько сажень, а лошади, съ передними колесами, ускакали въ ближнюю деревню. Всѣмъ намъ порядочно до стало, бока долго болѣли, особенно у нѣмца Готгарда, ѣхавшаго со мной, изъ милости, до Москвы. Страннѣе всего: везъ я въ коробѣ, стоящемъ въ передкѣ, посуду изъ композиціи, подъ мраморъ, — колъ попалъ прямо въ коробъ, проткнулъ коробъ насквозь, а разбился только одинъ стаканъ.

Сообщ. Н. П. Варышниковъ.